
«ЭКОНОМИСТ» — ДЕЛОВОЕ ИЗДАНИЕ И.В. ВЕРНАДСКОГО (1858—1865)

И.А. Сурнина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ул. Моховая, 9, Москва, Россия, 125009

В статье рассматривается журнал И.В. Вернадского «Экономист», выходящий в 1858—1861 гг. как приложение к журналу «Экономический указатель», а в 1862—1865 гг. — как самостоятельное издание. В статье детально проанализировано содержание журнала, тематика и проблематика ключевых статей, структура журнала. Отдельно рассмотрена полемика с другими периодическими изданиями. Отмечена позиция журнала по ключевым проблемам рубежа 1850—1860 гг. Также выявлены тенденции развития экономических газет и журналов середины XIX в.

Ключевые слова: Вернадский, «Экономист», крепостное право, крестьяне, железные дороги, рабочие, женский труд, образование

С 1857 года И.В. Вернадский начал выпускать в Санкт-Петербурге журнал «Экономический указатель», и уже в № 43 за тот же год было объявлено о «слитии с “Экономическим указателем” другой, разрешенной к изданию хозяйственно-статистической газеты “Экономист”, долженствующей состоять под редакцией нашего сотрудника А.Н. Егунова, передавшего нам полученное им таким образом право» [17. С. 997]. Отмечалось также, что редакция не намерена вести эти два издания отдельно и соединяет их навсегда как одно предприятие. «Экономист» должен восполнить то, что не могло помещаться в «Экономическом указателе», не рассчитанном на статьи большого объема. В программе «Экономиста» заявлялись следующие отделы: «Исследования», «Критика и библиография», «Смесь».

В первом отделе Вернадский планировал помещать статьи теоретического содержания, касающиеся политической экономии и статистики и ближайших к ним наук. Кроме того, он планировал сосредоточить внимание на отраслях отечественной промышленности и их значении в жизни народа. Сообщалось, что в отделе будут разоблачаться ошибочные мнения, получившие свое распространение в последнее время, т.е. отстаивание принципов свободной торговли и понижения таможенного тарифа.

Во втором отделе предполагалось рассматривать отечественные и иностранные издания по политической экономии и статистике. Указывалось, что критика хозяйственно-статистических сочинений развита в России весьма слабо, и редакция намеревалась ликвидировать эту брешь.

Третий отдел, по мнению Вернадского, должен содержать мелкие статьи хозяйственно-статистического содержания: «известия о разных отраслях промышленности, известия, имеющие целью ознакомить не только с техническими приемами, сколько с современным их распространением и влиянием на материальный и нравственный быт народа; важнейшие меры правительств по части

народного хозяйства; указание таких новых отраслей труда, которых развитие обещает особенные выгоды той или другой местности нашего отечества; биографии замечательнейших экономистов и статистиков; корреспонденции с читателями газеты; наконец, разные, не вполне обработанные, но подготовленные к обработке материалы по части отечественной статистики» [17. С. 1000—1002].

Объем заявлялся ненормированный: за год от 50 до 75 печатных листов.

Примечательно, что «Экономист» могли получить только при годовой подписке на «Экономический указатель» и стоило приложение 2 рубля 50 копеек серебром без доставки и пересылки, с пересылкой — 3 рубля серебром. Тех подписчиков, которые не хотели приобретать новое приложение, редакция к этому не обязывала. Однако Вернадский проявил немного хитрости: получить «Экономист» без подписки на «Экономический указатель» было невозможно.

В начале и в конце журнала непременно указывалось, что «Экономист» являлся приложением к «Экономическому указателю», также отмечалось, что «Экономист» будет выходить шестью книжками в год и состоять из статей, «не могущих по значительному объему и характеру войти в текст самого Указателя» [3].

Действительно, как показывает первая книжка «Экономиста», вышедшая в марте 1858 г., материалы в нем публиковались более объемные, чем в «Экономическом указателе». При этом состоял он из двух отделов: «Исследования и материалы» и «Библиография и смесь».

С третьей книги за 1858 г. каждая статья имела свою нумерацию, начиная с первой страницы. Возможно это было сделано для удобства читателей, чтобы они могли иметь отдельную подборку из заинтересовавших их статей с верной нумерацией. Впоследствии в каждом отделе введена своя сквозная нумерация страниц.

Полное название журнала — следующее: «Экономист, приложения к “Экономическому указателю”». Издание, посвященное политической экономии, статистике и вспомогательным наукам под редакцию И.В. Вернадского, орд<инарного> проф<ессора> политич<еской> экон<омии> и статист<ики> в Гл<авном> Педаг<огическом> Инст<итуте>».

На титульном листе стояло указание на том и номер книжки. Очевидно, что том обозначал год издания (например, том I — первый год выпуска, том II — второй и т.д.), номер книжки — номер выпуска за тот или иной год.

В 1858 году вышло три книжки «Экономиста», в 1859 — пять, в 1860 — всего две, в 1861 — четыре, в 1862 г. Вернадский выпустил 12 томов журнала, за 1863 и 1864 гг. вышло четыре номера. В 1865 году журнал прекратился, в свете появился всего один номер, представляющий собой книгу Вернадского «О мене и торговле».

Необходимость в издании, подобном «Экономисту», отмечалась уже в первой статье: «Общественная экономия находится ныне на той степени знаний, на которой одни только исторические и описательные методы уже не достаточны для удовлетворения нашей любознательности...» [2. С. 1]. Издателем подчеркивалось, что читатели нуждались в журнале, где были бы рассмотрены практические основы политической экономии.

Темы «Экономиста», естественно, продолжали тон, заданный «Экономическим указателем», основным журналом: это и крестьянский вопрос, и развитие путей сообщения, и государственная монополия и др.

Крестьянский вопрос был весьма важен во второй половине 1850-х гг. В статье «Усадебная земля» Н. Дельфина, присланной в редакцию в мае 1858 года, отмечалось, что при составлении проекта об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян «вменяется в обязанность, между прочим, иметь в виду: при сохранении права собственности помещикам на всю землю, оставить крестьянам их усадебную оседлость и обеспечение исправной уплаты крестьянами государственных и земских повинностей и денежных сборов» [4. С. 62].

Статья весьма полезна, потому что именно в ней разбирался «способ оценки» усадебной оседлости крестьян, за что они должны были заплатить. При рассмотрении этого вопроса Дельфин имел в виду лишь имения, занятие хлебопашеством, так как именно в них крестьяне несли барщину. Отмечалось, что крестьянская усадебная земля не имела никакого значения для дохода помещика, и все, что крестьянин мог с нее получить, годовая пропорция различных овощей, постного масла, «пеньки выручится на покупку дегтя и глиняной посуды» [4. С. 64].

Замечено, что помещики никогда не выдавали крестьянам «без вознаграждения» лес на всю крестьянскую постройку. Крестьяне покупали лес для строительства или у своего помещика, или «на стороне», если же помещик помогал крестьянину, то помощь его была весьма незначительна. К тому же постройки крестьян обветшали за время пользования. Кроме всего прочего, невозможно рассчитать, сколько уже уплатили крестьяне «разных денежных и натуральных государственных повинностей и земских сборов и проч<ее> и проч<ее> за дворовых людей, которые служат исключительно личности помещика и не приносят никакой пользы обществу крестьян. А наши помещики держат большую дворню и крестьянам приходится платить за нее много. Если все это рассчитать по справедливости, то по всей вероятности большинство помещиков останется в долгу у крестьян» [4. С. 65]. Таким образом, непонятно, как взыскивать с крестьян за подобные «вспомоществования», и лучше, по мнению автора статьи, не входить в эти расчеты и оставить крестьянские строения в полном их владении, как неприкосновенную их собственность. Что же касается земли усадебной, ее, считал автор материала, справедливее оценить так: «выгоны — как луга, равного с ними достоинства, а все остальное — как пахотную незаселенную землю, полагая стоимость их по ныне существующим местным ценам» [4. С. 67].

Также, по мнению автора статьи, необходимо дать крестьянам возможность свободно заниматься трудом: «Не дать крестьянскому труду полной свободы и препятствовать передвижению, значит убивать промышленную жизнь вместе с частною и общественною деятельностью, восстать против основных экономических законов и естественных побуждений человека, посягать на государственные интересы и исказить благодетельную мысль правительства об улучшении быта крестьян» [4. С. 68].

Крестьянский вопрос на рубеже 1850—1860 гг. носил дискуссионный характер, велись споры о том, каким же образом провести «улучшение быта помещичьих крестьян». «Экономист» отмечал справедливость высказывания А.И. Кошелева в его «Сельском благоустройстве», что данный вопрос необходимо «пропустить через критику, вникнуть поглубже в источники многих убеждений» [6. С. 25]. Н.П. Данилов из с. Нижний Ворголь, что недалеко от Ельца, предлагал к обсуж-

дению первую главу Положения, разработанного губернскими комитетами. Согласно ей требовалось:

- 1) прекращение личного крепостного права;
- 2) дарование помещичьим крестьянам лично и по имуществу всех прав, которыми наделены другие податные сословия в государстве;
- 3) всех помещичьих крестьян именовать срочно-обязанными.

Во втором отделении VI главы, отмечал Данилов, сказано, что размер повинностей должен быть «основан на ценности: усадеб, поземельных угодий и промысловых выгод местности» [6. С. 27]. Также указывалось, что крестьяне из крепостного состояния переходили в обязанное, т.е. еще в течение нескольких лет должны были оставаться прикрепленными к земле, чтобы помещики в новых условиях имели возможность преобразовать свои хозяйства. В этой связи размер повинности предлагалось соотнести с «действительной доходностью представляемых крестьянам поместных угодий» [6. С. 29].

Данилов приводит высказывания других «владельцев-писателей» в отношении данного предложения. Так, г. Харламов в материале, опубликованном в «Сельском благоустройстве», говорил, что «и для художественных местностей Тверской губернии принимает расчисление оброчных крестьянских повинностей по оценке доходности земель, даваемых в крестьянское пользование» [1. С. 202—206]. С ним согласен и г. Смирнов [1. С. 141], автор другого материала из того же издания, и Кошелев [1. С. 222]. В любом случае все крестьянские выплаты должны быть зафиксированы в Положении. Весьма важными являются «уравнительные для всех крестьян» предложения Данилова:

- 1) оценить крестьянскую работу как по качеству, так и по количеству;
- 2) обеспечить исправность работ крестьян «поручкой мира»;
- 3) установить «для неисправного мира законные взыскивания»;
- 4) обязать крестьян, чтобы все «урочные работы помещику производились ими тогда и там, когда и где будет указано от владельца» [7. С. 31].

Автор статьи настаивал, что отработки должны быть именно урочными, иначе никакой разницы не будет между «поденной работой» и «прежней барщиной».

О том, что выкуп земель крестьянами должен быть произведен не деньгами, а работами, говорилось в статье Н. Дельфина «О выкупе крестьянских участков» [7. С. 40]. Однако, чтобы труд каждого крестьянина все же считался свободным, Дельфин предлагает губернским комитетам определить следующее:

- 1) число рабочих дней в году;
- 2) число рабочих дней в году (конных мужских, пеших мужских и женских, как летних, так и зимних);
- 3) ценность рабочего дня (конного и пешего летом и зимой);
- 4) число рабочих часов зимой и летом для конных и пеших работников;
- 5) работы, которые крестьяне отработывают на помещика, ограничивая их только полевыми и гуменными;
- 6) число верст в оба конца для подвод, назначаемых к перевозке для сбыта сельских произведений, причем за излишнее пространство постановить особую плату поверстно с пуда или с четверти;

7) назначение на определенные работы производить не от помещика, а от общины, к которой принадлежит крестьянин;

8) позволить крестьянину вместо себя посылать на работу своего наемника;

9) ежедневно, после рабочего дня, помещик должен выдавать квитанцию, в которой подробно объяснено, какое количество часов и каких рабочих было у него, с указанием числа и заработанной суммы.

Все постановления при этом должны основываться на местных данных. Дельфиним дана и рекомендация, поскольку выплаты будут производиться крестьянами постепенно, обложить все сумму процентной ставкой в размере не более 6%. Таким образом, после расчетов получалось, что помещик «менее, чем через 8-м лет получит всю выкупную сумму с надлежащими процентами» [7. С. 44].

Важным на страницах «Экономиста» считался вопрос колонизации, то есть «переселения крестьян в многоземельные губернии и те края, которые вновь приобретены правительством для русской колонизации» [14. С. 30]. Автор статьи, подписанной *-ин*, подчеркивал, что данная тема совершенно не освещалась в литературе, так называемые колонисты не владели никакой информацией. Например, население Енисейской губернии совершенно не было осведомлено, имело ли оно право переселяться на Амур, ничего не знало ни о местных ценах, ни об условиях проживания, ни о запасах, которые необходимо взять с собой в дорогу. При этом в статье с горечью отмечалось, что в Англии и Германии основаны общества для вспомоществования колонистам, налажен выпуск газет, изданы руководства (инструкции), предупреждавшие будущих переселенцев о трудностях и потребностях на общей почве, однако в России ничего подобного нет.

Тема развития путей сообщения занимала важное место в журнале. Отмечалось, что «те страны, которые представляют удобство путей сообщения, пользуются несравненно большим благосостоянием, чем те, которые не имеют хороших ни естественных, ни искусственных путей» [16. С. 39]; что плохое состояние путей сообщения не позволяет развиваться в полной мере свободному труду.

Один из авторов журнала, В. Долинский, в своем материале размышлял по поводу путей сообщения между Россией и Средней Азией. Эту тему ранее поднял Р. Черносвилов в «Экономическом указателе» в статье «Мысль об устройстве водяных путей в среднюю Азию», где он предлагал соединить их посредством водного пути: пропустить Аму-Дарью в Каспийское море, что впоследствии соединило бы его с Аральским морем [18. С. 1053—1059].

Долинский говорил об ином: в его проекте — предложение провести железные дороги. Он доказывал, что проведение железных дорог из России в другие страны «в интересах государства материальных и нравственных», что это значительно разовьет торговлю с этим регионом, которая в то время находилась в «жалком положении». В первую очередь Долинский отмечал необходимость соединения России с Хивинским, Бухарским и Коканским ханствами (Узбекские ханства — *И.С.*), указывал, что между Каспийским и Аральским морями 264 версты. В его проекте предлагалось направление «от Балханского залива на Каспийском море до реки Амур при впадении ее в Аральское море» [5. С. 80].

Выгоды от постройки железной дороги, по мнению Долинского, несомненны. Конечно, по мнению Долинского, сразу улучшится товарообмен: из Средней Азии Россия получала хлопчатую бумагу, шелк, виноград, марену, сарочинское пшено, мерлушу (баранья овчина в сыром виде. — *И.С.*), сухие фрукты; туда страна поставляла: медь, железо, литый чугун, сталь, разные иглы, олово и шпиастр, бумажные и полотняные изделия, кожу, меха, стеклянную, глиняную и деревянную посуду и множество других материалов и изделий.

Товарообмен преимущественно осуществлялся через Оренбургскую линию, за свои товары азиаты брали $\frac{2}{3}$ «нашими товарами», остальную $\frac{1}{3}$ «звонкою монетою». Железная дорога не только должна была улучшить торговлю между Россией и Средней Азией, но и значительно ускорить экономический темп развития двух регионов (процент, несмотря на затраты, по подсчетам Долинского, должен все окупить): прекратится принудительный наем верблюдов у киргизов, сократятся складочные магазины с их штатами в Оренберге, «положится начало правильной торговле и промышленности в степи», произойдет «колонизация на тех местностях степи, которые способны для земледелия, и где оно в древние времена производилось в огромных размерах» [5. С. 106].

В статье также шла речь и о соединении Саратова и Семипалатинска (592 версты. — *И.С.*), что «сошьет с Европою восточную Сибирь. Реки Обь и Томь поменяются с Волгою своими произведениями. А чтобы реки Енисей, Ангара и Амур могли также меняться с Волгою своими произведениями, без гужевой перевозки, остается соединить железною дорогой Кузнецк и Красноярском на протяжении 400 верст и Верхнеудинск с Читой, главным городом Забайкальской области, на протяжении 430 верст» [5. С. 105].

В одном из следующих номеров журнала рассматривался проект железной дороги от Саратова до Оренбурга [10. С. 46—93], которая представляла бы собой продолжение Николаевской железной дороги и служила бы «для развития торговли и промышленности Заволжского края, скрепить наши торговые сношения с средне-ордынскими народами, дать новую жизнь киргизским степям, и вывозить произведения своего региона в Саратов и оттуда уже к столицам, по Волге к Нижнему Новгороду, Волге и Дону и чрез посредство Воджско-донской железной дороги к Ростову» [10. С. 46].

В данной статье, автором которой являлся Р., проанализированы различные условия строительства: грунт, климатические особенности региона, особенности местности (количество лесов и полей). Также обращено внимание на сельскохозяйственное развитие каждого региона: рожь, овес, гречиха, морена, виноград и т. д., чтобы показать, насколько данная железная дорога ускорит обмен товарами данного региона с другими губерниями России. Подчеркнуто, что она весьма удобна и обеспечит сообщение между городами даже при разливах рек, то есть будет построена в обход сложных участков, к которым относятся районы Бобровской мельницы или Большого Иргиза [10. С. 62].

Подробнейшие расчеты ежегодного товарооборота наглядно демонстрировали, что строительство железной дороги весьма скоро должно окупиться [10. С. 68—93].

В 1862 году на страницах журнала рассматривался и проект Литовский железной дороги (между Белостоком и Вольню), необходимость которой обсуждалась на заседании политико-экономического комитета при Императорском Вольном экономическом обществе в июне того же года. Преимущества дороги в том, что она открыла бы сбыт товаров Киевской, Волынской и Подольской губерний в Северную часть Литвы. Варшаву и к портам Балтийского моря [15. С. 2—60].

Заметим, что также в журнале печатались уставы или извлечения из уставов обществ железных дорог, например «Извлечение из устава Общества Саратовской железной дороги» [8. С. 55—76].

Говорил журнал и о необходимости развития водных путей сообщения. Например, в статье К.П. «Очерк проекта кавказско-русской системы каналов-водопроводов» [12. С. 9—14] предлагалось соединить между собой Каспийское море с Черным и Азовским и Кавказ с Закавказьем посредством связи горно-подошвенного, степного каналов-водопроводов и двух соединительных (Волдско-Донского и Терско-Куринского) каналов. Преимущества данного проекта для автора статьи неоспоримы:

- 1) соединение морей, омывающих Кавказ, то есть соединение Запада и Востока (что позволит промышленности и торговле, в особенности хлебной, обойти Америку по поставкам в Европу);
- 2) свободный путь на Кавказ и в Закавказье;
- 3) усиление производительные силы вышеназванных регионов;
- 4) увеличение политического значения страны.

Еще одной важной темой были государственные монополии, которые служили источником косвенных налогов, вынуждаясь «общим неведением в началах народного богатства» [2. С. 87]. Так, в статье Волкова отмечалось, что еще не существовало ни одного народа, который был бы в состоянии понять, что, заплатив подать косвенно при покупке нужного ему товара, он выплачивает непременно больше денег, чем идет от этой покупки в государственную казну, потому что «самый сбор косвенного налога требует более издержек, чем сбор прямого» [2. С. 87].

При этом наиболее заметна и потеря общества от слабого развития производств, составляющих монополию. Волков обращал внимание читателя и на такой вид монополии, как привилегия, или вознаграждение изобретателей, которым предоставлялось временное исключительное право пользоваться их изобретением, при этом «общество теряет... все те успехи в производстве, которые бы могли возникнуть свободным соперничеством, до окончания срока привилегии» [2. С. 88]. Гораздо разумнее, по его мнению, было бы заменить ее прямым вознаграждением в соответствии с пользой изобретения. Вывод один — государственные монополии тормозят развитие экономики любой страны. Поэтому так «естественно желание немедленного прекращения всякого рода монополий» [2. С. 95].

Однако и Волков, и Вернадский понимали, что внезапное «водворение свободы занятий, обменов и соперничества» опасно, поэтому необходим плавный переход от покровительства к фритредерству. Предложено два решения этого вопроса:

1) прямое вознаграждение монопольных производителей;

2) назначение достаточно отдаленного срока прекращения монополий, чтобы производители имели время выручить капиталы «или без больших потерь обратиться свою деятельность на производство» [2. С. 96].

В другой статье говорилось, что произведения промышленности, ремесел и искусства, материалы «не везде одинакового качества... чтобы посредством *торга* и *коммерции* сими предметами... поддерживалось сообщение нации между собой» [4. С. 27] (*курсив автора статьи*).

Здесь представлен краткий очерк истории протекционизма в Европе (Франции, Испании, Англии) и отмечалась, что подобная политика никакого «благодетельного влияния» не несла. Например, в Англии во времена царствования Вильгельма III, парламент в 1697 г. запретил ввоз французских шелковых материй, а в 1701 г. запрет распространился на китайский и индийский шелк. При этом начала распространяться контрабанда, неминуемое следствие запретительной системы, английские фабрики беднели, некоторые из них даже были уничтожены. Так продолжалось до 1824 года, отмечал автор, когда Вильям Госкиссон, «умный министр» торговли, отменил данную систему. И с 1826 г., спустя почти целое столетие, запрет на ввоз иностранных шелковых изделий перестал существовать в Англии. Понизили и пошлину на шелк. «Едва успел только закон отменительный возыметь силу противу закона запретительного и уничтожить его, как вместо 175-ти фабрик, в тот же 1826 год явились 266-ть, из 780 000 ткацких станков выросла цифра до 1 180 000, и фабриканты успели удовлетворить требованию и заказам» [4. С. 35].

Те же положительные результаты показывала и отмена протекционизма в Испании, Бельгии, Франции. Подобные примеры, приводимые в издании Вернадского, несомненно демонстрировали плюсы свободной торговли и отмены запретительной системы.

Отдельное внимание в журнале Вернадский уделял рабочему классу. Например, в № 3 за 1858 г. опубликована статья Н. С-ва «О состоянии рабочего класса на фабриках шелкового производства», в которой говорилось, что «вопрос о состоянии рабочего класса с каждым днем приобретает все более и более значения. Он становится вопросом настолько общественным, насколько и политическим» [3. С. 3]. В основе данного материала лежит отчет г-на Ребо, которому Парижская академия поручила исследовать состояние рабочего класса на фабриках шелкового производства не только во Франции, но и прирейнской части Пруссии, северных районов Швейцарии, бассейны Роны и Лаура.

В статье отмечалось, что нельзя не радоваться переходу «ремесел в фабричность, заменению рукоремесел машинным производством, живых сил механическими двигателями» [3. С. 11]. Естественно автор радовался, что рабочий, благодаря механическим двигателям, освобождался от «громadных, чисто физических усилий». В этом, безусловно, — заслуга промышленного прогресса.

Рассмотрен в статье и *женский труд*. В отношении шелкового производства писалось, что «женщина нисколько не уступает мужчине; работа ее также чиста и отчетлива, а иногда даже и выше работы мужчины» и даже «женщина имеет

некоторое преимущество перед мужчиной; работа этого рода требует многих качеств, которые встречаются скорее в женщине, нежели в мужчине» [3. С. 22]. Это заслуга «нашего времени», «когда впервые женский труд так победоносно выступает на сцену экономической деятельности, когда открывается производительный сбыт женским силам, которых доселе так много гибло и гибнет почти непроизводительно для общества» [3. С. 22—23].

Обращается внимание читателей и на последствия, которые вызываются работой ткачей: они более страдают от болезней расстройства нервной системы и припадками, свойственными лимфатическим темпераментам. Однако есть и преимущества: «Где бы ни жил он, к какой бы национальности ни принадлежал, вы всегда узнаете ткача по матовому, бледному цвету лица, по умному, живому взгляду, по стройным членам, гибким белым рукам. В нем более ловкости, нежели силы» [3. С. 23].

Что касается заработных плат рабочих, они невысоки. Вызвано это в первую очередь сезонностью работы ткачей и большими перерывами в производстве тканей. Ребо писал: «...мне случалось быть... не на одном обеде работников, который состоял единственно из картофеля, и то не всегда в достаточном количестве; мясо они видят на своем столе только в особенно торжественный дни» [3. С. 27]. Однако высказывалась надежда, что в скором времени придет возможность улучшения быта рабочего сословия в исследуемом Ребо регионе (1).

Не прошли мимо внимания журнала и волнения 1848 и 1858 годов на берегах Рейна, требованиями рабочих было улучшение условий работы труда и повышение заработной платы рабочих. Проводилась аналогия с выступлениями подобного характера в Англии, где «каждое волнение сопровождается насилием не только против собственности, но даже против личности владельца» [3. С. 33].

Несмотря на тяжелое положение рабочего класса в указанном регионе Европы, состояние промышленности в «Прирейнской Германии» — одно из лучших в Европе, и это благодаря «духу промышленности», который нигде «не принят так сильно и не получил такого полного и естественного развития» [3. С. 46].

Труд для человека, по мнению Вернадского, необходимость, неразрывная с его существованием. Уже в «Указателе» данной теме было уделено немало внимания. «Экономист» продолжил ее: «...корень всему общественному злу есть праздность и пренебрежение труда; а зародыш праздности появляется там, где нет справедливой оценки труду и заслугам» [5. С. 37]. В статье П. Зарубина «О необходимости труда и задельной плате» [5. С. 31—70] говорится, что главным условием для добросовестного труда является достойная плата за него.

По мнению Н., автора статьи «Чему подчиняется экономический быт народа», «можно только одним способом развить нужды в народе — поощрить его к труду, усилить промыслы и вообще производительность» [11. С. 9] и это повысит значение и право личности каждого человека, даст ему возможность почувствовать себя действительным членом общества, имеющим в нем голос и значение.

Непременным успехом трудовой деятельности, по мнению Вернадского, является разделение труда, которое «заключается в самой природе... в разделении занятий между отдельными лицами в известном производстве или между целыми классами общества» [13. С. 89] (курсив И.В. Вернадского).

Далее в материале с особым вниманием указано на то, что производство каждого народа в свою очередь также разделено: на земледельцев, заводчиков, торговцев, ремесленников, ученых и т.п. При этом выгоды от разделения труда очевидны:

1) каждое отдельное действие «становится чрезвычайно простым» и требует только навыка от работника;

2) «сбережение материала», большая часть которого портится при изучении всего ремесла;

3) сбережение «времени самого труда» и устранение «необходимости перехода от одного занятия к другому»;

4) отсутствие «перемены орудий», так как каждый работник будет специализироваться только на конкретном выполнении операции;

5) увеличение скорости работы, так как «при однообразном действии приобретается такой механический навык, такая сноровка, что занятие теряет почти всякую тягость: оно делается привычным»;

6) «постоянное устремление внимания и труда на один и тот же предмет, большую часть времени представляет значительное ручательство в дальнейших усовершенствованиях в данной отрасли промышленности» [13. С. 90—92].

Также одной из значительных тем, представленных на страницах «Экономиста», была тема образования. Журнал отмечал, что большая часть людей, занятых промышленностью или торговлей, не имела должного образования: «если сравнить по образованию, или лучше по необразованию, наших рабочих, цеховых, посадских, мещан, большую часть купцов или даже почетных граждан, то мы не увидим между ними в этом отношении разницы!» [8. С. 2]. Образование людей, занятых промышленностью и торговлей, «ограничивается большею частью только знанием грамоты и счетов; редко учение их продолжается в уездном училище, а еще реже в гимназии» [8. С. 19].

Однако даже занятие простыми ремеслами требует специального приготовления и подробного изучения мастерства, отмечал А. Григорович в своей статье «Потребность большого распространения нравственного и промыслового образования для наших городских классов» [8. С. 6], особенно если на плечи ложится управление фабрикой или заводом, уже не обойтись без знаний естественных наук, физики, химии, механики, технологии и других наук. Если же владелец фабрики или завода не имел необходимого образования, для процветания предприятия ему необходимо или нанимать иностранных мастеров, или лиц, «получивших образование в отечественных реальных школах» [8. С. 7], причем образование в подобных школах должно даваться в соответствии с техническим прогрессом.

Люди торговые, они, как писал Григорович, тоже должны обладать определенными знаниями в области географии и статистики, арифметики и бухгалтерии, торгового права, коммерции. Без обладания всеми перечисленными знаниями торговцы понесут убытки и потери [8. С. 9—11].

Статья обращала внимание читателей на то, что, правительство тоже озабочено улучшением образования, именно поэтому «для процветания ремесел, фабрик

и торговли... дозволило 1) всем свободным состоянием поступать во все общие заведения империи: приходские школы, уездные училища, гимназии и университеты; 2) учредило сверх того специальные училища: Технологический институт в Санкт-Петербурге, Московскую коммерческую практическую академию, два коммерческих училища (в Санкт-Петербурге и Москве), несколько рисовальных школ и другие реальные заведения, по преимуществу в столицах» [8. С. 24—25].

Отдельно разбиралось благотворнее влияние промышленности на земледелие. Об этом, например, писал И. Родзевич в статье «О труде земледельческом и труде промышленном»: чтобы убедиться в этом, стоит лишь в плодородных землях построить фабрику, нанять 500 работников, и хозяин каждого клочка земли будет стараться улучшить возделывание своего земельного участка, чтобы получать еще больше произведений: «Избыток средств, имеющихся под рукою, даст возможность земледельцу так действовать, чтобы получать сколь возможно больший доход с данного участка земли» [5. С. 29]. Поэтому логично, что для обогащения страны нужно дать ей потребителей, ремесленников, потому что «богатство страны находится в прямом соотношении с ремесленным классом народа и также в соотношении к числу потребителей, которые могут платить за ее произведения» [5. С. 29].

Естественно, что «Экономист» не обошел стороной тему кризиса: «сентябрь, октябрь и ноябрь месяцы прошлого года, — было временем полного разгара коммерческого кризиса, которым заключился конец 1857 года» [3. С. 4]. В ряде статей указаны причины этого печального явления: «чрезмерное развитие обширных предприятий, злоупотребление кредитом, наконец, немеренные финансовые спекуляции...» [3. С. 5].

А. Ламанский в статье «О возвышении цен на первые жизненные потребности в Москве за последнее десятилетие с 1847 года», отмечал, что «отовсюду слышатся жалобы на постоянное возрастание цен... особенно заметным с 1855 года, то есть около трех лет... все говорит о дороговизне, все более возрастающей» [3. С. 4].

Кризис ощущался во всех странах: во Франции — недостаток средств, «трудность снискания самих средств пропитания», «уменьшение ипотечных ссуд (т.е. ипотечных. — И.С.)» и т.д. [3. С. 14—19]. У Англии в отношении кризиса экономика более устойчива, даже несмотря на продолжительную войну с Индией в 1857—1858 годах, отмечает Н.С., автор статьи «Последние кризисы» [3. С. 19]. В Соединенных Штатах произошло повторение кризиса 1837 г., вызванного чрезмерным расширением кредитных операций циркуляционных банков, число которых возросло до 1400 [3. С. 19—20]. Однако самую сильную смуту в финансы, коммерцию и экономику внес кризис Гамбургского банка в 1857 г. [3. С. 20—27]. И это легко объяснимо: местное производство Гамбурга «едва дает 5,5% всего вывоза; небольшой процент должен удерживаться и из ввоза для внутреннего потребления при 200 000 жителей. Понятно, что все кредитивы гамбургской торговли должны вращаться на иностранных рынках» [3. С. 23]. Естественно, что во время кризиса очень трудно успокоить и принудить к уплате заграничных должников, следовательно, оплаты осуществлялись медленно и нерегулярно. При сло-

жившейся ситуации особого уважения заслуживали действия правительства, которое «отвергло настоятельно требуемый выпуск 30 милл<ионов> бумажными деньгами с вынужденным курсом; отказало в месячной отсрочке, испрашиваемой у него всеми дебитерами» [3. С. 25].

А Департамент финансов уполномочил Сенат выпустить векселей под залог товаров и торговых обязательств на сумму 15 миллионов банкo-марок. Эти меры достаточно содействовали смягчению кризиса: учетная касса и 10 000 000 банкo-марок, сумма занятая гамбургским правительством в венском национальном банке «спасли не один дом» [3. С. 27].

В России дела обстояли не лучше: «...в настоящее время промышленные предприятия падают, в торговле видимый застой, и у всех вообще совершенный недостаток в деньгах» [11. С. 1].

Появление акционерных обществ стало следствием необходимости огромной концентрации капитала. Впервые подобные компании появились в Голландии в XVI в. В России развитие акционерного дела шло с существенным отставанием от передовых западноевропейских стран. Попытка впервые внедрить в России акционерные компании предпринял Петр I после поездки в Европу в 1699 г.

Несмотря на то, что образование акционерных обществ было привычным в середине XIX века, все же для многих функционирование подобных компаний оставалось непонятным. С целью разъяснения этого читателям Вернадский поместил в «Экономисте» статью К. Радецкого «Что такое акционерные компании?» [9. С. 1—26]. Итак, акционер — участник компании и вкладчик, он распоряжается капиталом, получает прибыль. Если пай или вклад могут быть различной величины, то акция — величина определенная. В статье четко объясняется, что такое акционерные общества и какова роль и участие каждого акционера в компании, а также что такое акция: «известная единица капитала предприятия, служащая для измерения его частей, принадлежащих разным лицам, и для определения меры участия этих лиц в управлении предприятием и в получении прибыли. Умножение долей в капиталах предприятий и увеличение последних дали повод к происхождению акций, как такой определенной единицы» [9. С. 11].

Проблема пьянства для нашей страны являлась (и до сих пор является) одной из значительных, поэтому уже в первой книге «Экономиста» опубликован материал «О пьянстве в России». Примечательно, что на страницах «Экономического указателя» данная проблема также отражалась [19. С. 117; 20. С. 355]. Автором Михаилом Заблoцким отмечался вред потребления алкоголя, приводятся сведения по количеству «опившихся» в губерниях в период с 1842 по 1853 г. (скончалось более 7 500 человек), выявлены закономерности потребления спиртных напитков в зависимости от климатических особенностей и др. Основной причиной пьянства в ходе исследования названа нравственная нищета: «Дайте человеку, живущему своим трудом, чувство благородных потребностей человеческой природы, и средства удовлетворить им, и он не будет напиваться. Но если вы его унижите грубостью его потребностей до скота, он за животное свое существование, которого вы были причиною отомстит вам пьянством, нравственным самоубий-

ством» [2. С. 149—150]. Что касается стоимости на алкогольную продукцию, Г. Эрн в статье «Взгляд на винокурение и пивоварение как на промышленность и как на государственный доход», указывает, с одной стороны, что высокие цены могут снизить потребление, хотя, с другой стороны, отмечает: «когда вино продавалось по 8 руб<лей> ассигнациями ведро (автор статьи в этом случае говорит о дешевизне вина — И.С.), пьянства не было» [4. С. 59].

С 1862 года, после закрытия «Экономического указателя», «Экономист» издавался как самостоятельный журнал, объемом от 150 до 200 страниц. Его программа практически не изменилась и была опубликована в последних номера «Экономического указателя»:

1) исследования (статьи теоретического содержания, касающиеся политической экономии и статистики, и наук, состоящих с ними в ближайшей связи; при этом главное внимание будет сосредоточено на отраслях отечественной промышленности и их значении в жизни нашего народа);

2) критика и библиография (планировалось рассматривать отечественные и зарубежные издания по политической экономии и статистики и некоторые статьи, примечательные в этом отношении);

3) смесь (мелкие статьи хозяйственно-статистического содержания, известия о разных отраслях промышленности, меры разных правительств по части народного хозяйства, указания новых отраслей труда, биографии экономистов и статистиков, материалы по отечественной статистике и вести из губерний) [21. С. 769]. Подписная цена без доставки — 6 рублей серебром, с доставкой на рубль дороже.

Действительно, с января 1862 г. «Экономист» превратился в самостоятельный журнал, выходивший ежемесячно. Отделы нумеровались римскими цифрами, их название не указывалось. На титульном листе журнала перестало печататься «Приложение к «Указателю экономическому», издаваемому И. Вернадским», с этого года «Экономист» начал выходить как самостоятельное издание — «Экономист. Политико-экономический и статистический журнал, издаваемый И. Вернадским», с 1863 г. — без подзаголовка.

Вероятно, Вернадский отказался от выпуска двух журналов из-за финансовых трудностей. По той же причине, скорее всего, с 1863 г. выход «Экономиста» стал нерегулярным. В 1865 году вышел всего один номер, которому суждено было стать последним.

ПРИМЕЧАНИЕ

(1) Речь о г. Вирсене в Германии.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Сельское благоустройство. 1859. № 6.

[2] Экономист. 1858. Т. 1. Кн. 1. Отдел «Исследования и материалы».

[3] Экономист. 1858. Т. 1. Кн. 3.

[4] Экономист. 1859. Т. 2. Кн. 1. Отдел «Исследования».

- [5] Экономист. 1859. Т. 2. Кн. 2. Отдел «Исследования».
- [6] Экономист. 1859. Т. 2. Кн. 3. Отдел «Материалы по крестьянскому делу».
- [7] Экономист. 1859. Т. 2. Кн. 3. Отдел «Исследования».
- [8] Экономист. 1860. Т. 3. Кн. 1. Без указания отдела.
- [9] Экономист. 1860. Т. 3. Кн. 2. Отдел «Исследования».
- [10] Экономист. 1860. Т. 3. Кн. 2. Отдел «Материалы».
- [11] Экономист. 1862. Т. 5. Кн. 1. Отдел I.
- [12] Экономист. 1862. Т. 5. Кн. 1. Отдел. III.
- [13] Экономист. 1862. Т. 5. Кн. 2. Отдел I.
- [14] Экономист. 1862. Т. 5. Кн. 5-6. Отдел III.
- [15] Экономист. 1862. Т. 5. Кн. 9. Отдел III.
- [16] Экономист. 1862. Т. 5. Кн. 10. Отдел I.
- [17] Экономический указатель. 1857. № 43.
- [18] Экономический указатель. 1857. № 45.
- [19] Экономический указатель. 1859. № 112.
- [20] Экономический указатель. 1859. № 120.
- [21] Экономический указатель. 1861. № 307.

«THE ECONOMIST» — BUSINESS MAGAZINE OF I.V. VERNADSKY (1858—1865)

I.A. Surnina

Lomonosov Moscow State University
Mokhovaya str., 9, Moscow, Russia, 125009

The article considers magazine VI Vernadsky, “The Economist”, the output in the years 1858-1861 as a supplement to the “Economic Index” magazine, and in the years 1862-1865 as an independent publication. In the article analyzes in detail the content of the magazine, thematic subject and problems of the key articles of the journal and the structure. Separately considered debate with other periodicals. Noted the magazine’s position on key issues abroad 1850-1860 period. Also identify trends of development of economic newspapers and magazines the middle of the XIX century.

Key words: Vernadsky, “The Economist”, serfdom, the peasants, the railways, workers, women’s labor, education

REFERENCES

- [1] Sel’skoye blagoustroystvo. 1859. № 6.
- [2] Ekonomist. 1858. Т. 1. Кн. 1. Otdel «Issledovaniya i materialy».
- [3] Ekonomist. 1858. Т. 1. Кн. 3.
- [4] Ekonomist. 1859. Т. 2. Кн. 1. Otdel «Issledovaniya».
- [5] Ekonomist. 1859. Т. 2. Кн. 2. Otdel «Issledovaniya».
- [6] Ekonomist. 1859. Т. 2. Кн. 3. Otdel «Materialy po krest’yanskomu delu».
- [7] Ekonomist. 1859. Т. 2. Кн. 3. Otdel «Issledovaniya».
- [8] Ekonomist. 1860. Т. 3. Кн. 1. Bez ukazaniya otdela.
- [9] Ekonomist. 1860. Т. 3. Кн. 2. Otdel «Issledovaniya».

- [10] Ekonomist. 1860. Т. 3. Kn. 2. Otdel «Materialy».
- [11] Ekonomist. 1862. Т. 5. Kn. 1. Otdel I.
- [12] Ekonomist. 1862. Т. 5. Kn. 1. Otdel. III.
- [13] Ekonomist. 1862. Т. 5. Kn. 2. Otdel I.
- [14] Ekonomist. 1862. Т. 5. Kn. 5-6. III Otdel.
- [15] Ekonomist. 1862. Т. 5. Kn. 9. Otdel III.
- [16] Ekonomist. 1862. Т. 5. Kn. 10. Otdel I.
- [17] Ekonomicheskiy ukazatel'. 1857. № 43.
- [18] Ekonomicheskiy ukazatel'. 1857. № 45.
- [19] Ekonomicheskiy ukazatel'. 1859. № 112.
- [20] Ekonomicheskiy ukazatel'. 1859. № 120.
- [21] Ekonomicheskiy ukazatel'. 1861. № 307.